

***

Глава 28 Божественное оружие

Азарт и оживление, владевшие всеми в первый день пути, к утру следующего заметно угасли. Пейзаж за окном примелькался, и люди вернулись к своему обычному состоянию — притихшему и подавленному. На лицах многих теперь читалась лишь глубокая тоска.

Бытует мнение, будто древние люди были куда душевнее и человечнее нынешних, но это заблуждение. В те времена вонзить нож в спину ближнего или лишить кого-то жизни было делом обыденным. Если в современном мире закон хоть как-то сдерживает тёмные порывы, то в эпоху, когда власть была лишь призрачной тенью, цена преступления для сильного человека равнялась нулю. Разбойники рыскали повсюду, и каждый встречный на пустынной дороге мог оказаться бандитом.

Оттого и к расставаниям относились с особым трепетом. Никто не знал, суждено ли им свидеться вновь, и любой отъезд в дальние края воспринимался как последняя встреча.

Времени у каждого было в обрез. За вычетом сна и бесконечной борьбы за жизнь, на общение с близкими оставались лишь крохи. Долгие раздумья и сомнения были роскошью, доступной лишь аристократам; простые люди решали судьбу брака одним словом, а узы братства скрепляли за чашей вина, не раздумывая дважды.

Это могло показаться легкомыслием, но было лишь неизбежным следствием жестокой среды.

«Мой названный брат слишком уж пылок в своих чувствах», — думал Сяо Жун.

Однако любой другой на его месте не увидел бы в поведении Сяо И ничего странного. Сяо Жун знал, что впереди у него ещё много времени, тогда как Сяо И верил — им осталось провести вместе лишь десять дней. Естественно, он стремился отплатить своему спасителю всем, что имел.

Сяо Жун полулежал в повозке, прислонившись к подушке с куриным пером, и предавался меланхоличным раздумьям. Тесные узы и человеческие привязанности всегда давались ему с трудом.

В той, прошлой жизни, его родители развелись, когда он был ещё мал. Он кочевал из дома деда в дом бабушки — выходцев из богатых семей, людей суровых и сдержанных, создавших свои состояния с нуля. Нельзя сказать, что он был лишен любви, просто родственные чувства в их семье всегда отличались холодностью. Сяо Жун не считал себя обделенным: в материальном плане он ни в чем не знал нужды, а родители время от времени справлялись в мессенджерах о его делах и приглашали пообедать.

Его не заставляли учиться управлению бизнесом, а когда после несчастного случая он настоял на академическом отпуске, близкие согласились, не задавая лишних вопросов, и даже разрешили вовсе не возвращаться к учебе.

Сяо Жун был вполне доволен прежней жизнью. Унаследовав гены родителей, он по натуре своей был одиночкой. Приторные сцены семейного счастья из праздничной рекламы всегда казались ему чем-то чужеродным и странным.

Но теперь его затворничеству пришел конец. С того мига, как он принял личность бедняги Сяо Жуна, эта старуха и мальчик стали его ответственностью. В эпоху, когда преданность роду и сыновняя почтительность возведены в ранг закона, семейные узы прочны как сталь. Человек здесь — не отдельное «я», а часть клана, где слава одного становится общим триумфом, а позор — общей погубелью.

Лицо Сяо Жуна приняло скорбное выражение.

«Как же я умудрился докатиться до жизни такой?» — в сотый раз задался он вопросом.

Не успел он додумать эту мысль, как причина его нынешних тревог сама бесцеремонно откинула полог. Повозка катилась по дороге, но кто-то умудрился запрыгнуть в неё на полном ходу. Вздвогнув от неожиданности, юноша мгновенно выпрямился, лихорадочно поправляя складки одежды, чтобы принять подобающий благородному мужу вид.

Цюй Юньме лишь молча смотрел на него. Он видел всё. Стоило ли так усердствовать, наводя лоск?

Есть изречение: «Благородный муж бдителен в одиночестве». Это значит, что он должен вести себя достойно вне зависимости от того, смотрят на него или нет. Сяо Жун, очевидно, к такому идеалу не стремился, но и признавать свою слабость перед другими не желал, а потому вскочил, словно сжатая пружина.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Сяо Жун чувствовал, как пылают его щеки от неловкости, а Цюй Юньме, окинув его взглядом, небрежно устроился напротив. Подняв чайник, Великий ван наполнил чашу.

— Можешь не чиниться в моем присутствии, — проговорил он, — сиди, как тебе удобно.

«Звучит так, будто я еще и благодарен тебе должен быть», — пронеслось в голове у Сяо Жуна.

Его задело это замечание.

— Значит, при других я вести себя так не могу? — с легким вызовом спросил он.

Цюй Юньме поднес чашу к губам и, помедлив, с нескрываемым изумлением спросил в ответ:

— Разве не ты больше всех на свете боишься, что над тобой будут смеяться?

— Кто это сказал? — тут же возразил Сяо Жун. — Я не боюсь!

Цюй Юньме лишь мазнул по нему взглядом и молча пригубил чай. Юноша едва не задохнулся от возмущения. Спорить с Великим ваном было нельзя — он сам должен был подавать пример уважения к государю. Подавляя гнев, Сяо Жун демонстративно отвернулся и потянулся за своим мечом. Хмурясь, он принялся изучать узоры на ножнах.

Цюй Юньме не видел этого клинка с тех самых пор, как Сяо Жуна похитили. Стоило оружию вновь явиться на свет, как глаза вана вспыхнули интересом.

— Истинное божественное оружие, — низким голосом обронил он.

Сяо Жуна едва не передернуло. За два месяца службы в Армии Чжэньбэй он не дождался от Цюй Юньме ни слова похвалы, а этот меч заслужил столь высокую оценку с первого взгляда.

— Разумеется, — Сяо Жун поджал губы. — Он выкован из метеоритного железа. На его создание ушло три года, и каждый дюйм был отшлифован лично мастером-оружейником. Видите эти узоры, Великий ван? Это сложнейшая инкрустация золотом и серебром. Техника, которой владеет семья этого мастера, передается из рода в род; чужакам её ни за что не освоить.

Сяо Жун и сам не знал, правда ли это, — он лишь повторял слова старика-директора. Выслушав его, Цюй Юньме лишь хмыкнул:

— И насколько он остер?

«Типичный вояка», — подумал Сяо Жун.

Юноша посмотрел на меч и покачал головой:

— Не ведаю. Он не заточен.

На сей раз Цюй Юньме был искренне потрясен:

— Не заточен?!

— Хм... — выдавил Сяо Жун.

— Отчего же? — Великий ван не мог взять этого в толк.

— К чему мне это? — Сяо Жун нахмурился. — Я ученый муж, а не конфуцианец былых времен, что обязан был владеть мечом. Этот клинок — дар моего наставника. Хоть мы и были знакомы недолго, этот меч был его величайшей ценностью. Я лишь желаю сберечь его в первоизданном виде, не разрушая его сути.

Цюй Юньме не нашелся, что ответить. Более нелепой речи он в жизни не слышал.

Слова обличения уже готовы были сорваться с его губ. Такое оружие в руках этого изнеженного книжника — сущее расточительство! Можно понять, если его не используют в бою, храня как родовую реликвию, но держать его незаточенным?! Это же... это же святотатство, бессмысленная трата божественного дара!

Гнев заставил его разум лихорадочно подбирать подходящие слова, но Сяо Жун уже смотрел на него — настороженно и колюче, явно готовый к яростному отпору. Цюй Юньме сдержался. Он, как истинный муж, не станет вступать в словесную перепалку с этим хилым ученым.

Великий ван замолчал, но его взгляд еще раз скользнул по Чилун цзяню с явным сожалением. Пересилив себя, он заговорил о своем:

— Оружие и впрямь знатное, но едва ли оно сравнится с моим Сюэинь Чоумао.

Сяо Жун заподозрил, что ван пытается раззадорить его, вынудить заточить клинок и вызвать на поединок. Юноша не поддался на уловку и перевел тему:

— Давно хотел спросить у Великого вана: отчего ваше оружие зовется «Сюэинь Чоумао» — Копьё мщения, пьющее снег?

«Чоумао» — тип оружия, это понятно. Но почему «Сюэинь»? Сяо Жун помнил, как после падения Цюй Юньме ученые мужи поносили его за это название. Они твердили, что это доказывает его любовь к морозам и смерти, что он — враг рода человеческого и заслуживает лютой гибели. Впрочем, в те времена книжники соревновались в том, кто сильнее очернит бывшего властелина Севера — кто ради милости новой власти, кто ради собственной славы.

«Обычное желание „хайпануть“ на имени того, кто когда-то диктовал волю Поднебесной», — усмехнулся про себя юноша.

Цюй Юньме, кажется, и сам никогда не задумывался над этим. Помедлив, он ответил:

— Лишь потому, что создавший его мастер жил в Зале Сюэинь. Все его творения носят это имя: мечи Сюэинь, сабли Сюэинь и моё копьё.

Сяо Жун не ожидал столь простого ответа. Ему вдруг захотелось рассмеяться.

— Но отчего же я никогда не слышал о мечах или саблях Сюэинь?

Лицо Цюй Юньме изменилось. В нем промелькнула гордость, которую он тщетно пытался скрыть.

— Потому что клинки того мастера слишком тяжелы. Те, кто покупал их, держали их в домах лишь как украшение — никто не мог с ними совладать. Лишь мне под силу владеть этим оружием в бою каждый день.

Договорив, Цюй Юньме снова принялся пить чай, но Сяо Жун заметил, как он искоса наблюдает за ним. На сей раз юноша не сдержал улыбки. Впрочем, он лишь едва заметно изогнул губы, так что нельзя было понять причину его веселья. Подозрительная натура Великого вана тут же дала о себе знать: он решил, что над ним насмеваются.

Сяо Жун не стал ничего объяснять. Он откинулся на мягкую подушку, набитую перьями. Цюй Юньме нахмурился: его чувства были острее, чем у обычных людей. Хоть юноша и вымыл перья, и дважды просушил их на солнце, едва уловимый запах все еще оставался. Для хозяина он был незаметен, но вану, сидевшему напротив, казался слишком сильным. К тому же, подушка была странной — огромной и квадратной. Кто вообще на таких спит?

Цюй Юньме то и дело принимал недовольный вид, но Сяо Жуну было всё равно. Устроившись поудобнее, он заговорил о деле:

— Великий ван, когда у вас будет время, не сочтете ли за труд написать несколько писем? Я много размышлял о походе на сяньби. Армия Чжэньбэй не должна нести это бремя в одиночку. Мы все — люди Чжуньюаня, и в борьбе с варварами нам следует объединить усилия.

Цюй Юньме не был заносчив в таких вопросах. Сяньби было много — почти двести тысяч; даже за год всех не перебить. Он был не прочь разделить радость мести с другими. Проблема была в ином — и он знал это лучше других. Чужаки не питали к сяньби такой лютой ненависти; они лишь ждали случая поживиться за чужой счет.

— Писать бессмысленно, — глухо отозвался он. — Они не придут.

— Отчего Великий ван так уверен? — Сяо Жун вскинул брови.

Цюй Юньме не знал, как объяснить очевидное. Юноша продолжал выжидающе смотреть на него, требуя внятного ответа.

— В их глазах, — наконец выдавил ван, — я ничем не лучше императора сяньби.

Для них идеальный исход — если два тигра загрызут друг друга.

Сяо Жун замер. Он не ожидал, что Цюй Юньме так ясно понимает суть дела. Знать это и всё равно идти вперед... Безрассудство или великое благородство? Юноша сел ровнее и внимательно посмотрел на вана:

— Великий ван ошибается. Сяньбийский император — враг для каждого жителя Срединных Равнин. Вы же — один из нас. Просто... ваша судьба распорядилась так, что вы оказались ближе всех к врагу, и счет ваших личных обид куда длиннее. Окажись на вашем месте Сунь Жэньлуань или Хэ Тинчжи, они поступили бы так же. Они не ненавидят вас. Просто каждый из них ведет свой расчет, и в этой игре они готовы пожертвовать любым, кто кажется им опасным.

Цюй Юньме нахмурился. Он не понимал, к чему клонит Сяо Жун. Ему было плевать на чужую ненависть.

— Позвольте спросить, — продолжал юноша, — что вы думаете о государственном дяде Сунь Жэньлуане?

Цюй Юньме вспомнил лицо этого человека. Несмотря на личную неприязнь, он ответил честно:

— В нем есть некоторая доля твердости духа.

Сяо Жун промолчал. Пожалуй, это была слишком скупая оценка. В глазах потомков Сунь Жэньлуань останется великим героем. Ведь после бегства династии Юн на юг император Гуанцзя тяжело занемог, и всё государство Южная Юн оказалось на краю бездны. Именно Сунь Жэньлуань скрепил рассыпающуюся власть. Именно он, когда север был во власти варваров, вел тонкую игру, внося раздор в их ряды, и крепко держал оборону на реке Хуай. Река Хуай — преграда серьезная, но без мудрого полководца это лишь полоска воды, которую рано или поздно перейдут.

Его стойкость в те два года дала Цюй Юньме время окрепнуть. Не будь у Великого вана возможности набраться сил под сенью Южной Юн, его имя могло бы просто исчезнуть в пучине истории.

Но у каждого героя есть изъяны. Спасший юг Сунь Жэньлуань не мог скрыть своего высокомерия и властолюбия. Как только угроза миновала, многие отвернулись от него. В кулуарах шептались, что трон под маленьким императором шаток, а права его — сомнительны.

Сказать по правде, слухи имели под собой почву. Маленький император взошел на престол в возрасте нескольких месяцев. Он был сыном Сунь тайхоу, но был ли он сыном императора Гуанцзя — неведомо никому. Император слег после того, как в ужасе бежал от сяньби, неудачно упал и сломал ногу. С тех пор он не вставал с постели, и здоровье его лишь

ухудшалось. В ту самую пору, когда вдовствующая императрица затяжелела, он уже был прикован к ложу.

Дела гарема — тайна за семью печатями. Сломанная нога не мешает мужским утехам, но государь был слишком слаб. А Сунь Жэньлуаню до зареза нужен был наследник, чтобы закрепить свое положение. Теперь уже неважно, чья кровь текла в жилах маленького государя — тестов ДНК в ту пору не знали. Проблема была в том, что многие в открытую называли его бастардом. Слава Сунь Жэньлуаня висела на волоске. Он люто ненавидел любые разговоры о происхождении императора, а значит, ему нужно было нечто, что отвлечет внимание толпы. Добрые дела в защиту Чжунъюаня могли бы изрядно поправить его репутацию.

Когда Сяо Жун изложил свои соображения, Цюй Юньме вынужден был признать их разумность. Однако он всё еще сомневался, что Сунь Жэньлуань пошлет войска. Впрочем, написать письмо недолго. Если тот откажет, юноша наконец оставит эту затею. Цюй Юньме нехотя согласился. Он не привык откладывать дела в долгий ящик и готов был взяться за кисть тотчас же. Но Сяо Жун вдруг придержал его за локоть:

— Пойдите. Когда Великий ван напишет письма, не спешите отправлять их все разом. Лишь одно, адресованное инспектору Цзиньнина, прошу отправить немедля с самым быстрым гонцом.

Цюй Юньме на миг замер, а затем изумленно воскликнул:

— Отчего вдруг мы пишем Хуан Яньцзюну?!

— Хуан Яньцзюн ныне обрел силу, — Сяо Жун ответил как само собой разумеющееся. — В Нинчжоу он искореняет разбойников и осваивает земли, да и беженцев принимает тысячами. Сразу видно — человек влиятельный. Его мы просто обязаны пригласить.

Цюй Юньме не шелохнулся. Лишь спустя долгое время Великий ван глухо обронил:

— Между нами старая вражда.

Сяо Жун промолчал.

«Надо же, и ты умеешь чувствовать неловкость», — подумал он.

Скрыв улыбку, юноша проговорил:

— То, что Великий ван когда-то служил под началом брата Хуан Яньцзюна, не тайна. То были смутные времена, и у вас не было выбора. Хоть Хуан Яньцин и приютил вас, Великий ван — не тот, кто рожден подчиняться. Уверен, Хуан Яньцзюн и сам это понимает.

— Не в том дело, — перебил Цюй Юньме.

Сяо Жун опешил:

— Нет?

Ван помрачнел.

— Хуан Яньцзун старше меня на десять лет. Когда мы были в Луцзяне, он всячески притеснял меня. Ради его брата я терпел и не вступал с ним в спор. Но перед тем как покинуть Юг, я не сдержал обиды... и увел его коней и оружие.

Сяо Жун удивился, но не придавал этому значения:

— Лишь коней и оружие? Прошло столько лет, вряд ли он станет...

— И его наложницу, — добавил Цюй Юньме.

Сяо Жун замер. Его глаза округлились:

— Наложницу?!

— Тот Хуан только с виду простак, а нутро у него гнилое, — Цюй Юньме попытался оправдаться. — Женщины в его доме страдали. Одна умоляла меня забрать её, ну я и забрал... А с ней еще четверых.

Если бы не теснота повозки, Сяо Жун бы точно вскочил.

— Великий ван!!

Цюй Юньме вздрогнул от его крика.

— Они были несчастными душами! Разве ты не сам твердил, что мне следует творить добро и стяжать славу среди народа? В моих глазах это и было добрым делом.

К тому же, ему тогда было всего пятнадцать — возраст пылкий и безрассудный. Теперь-то он, конечно, поступил бы иначе: просто дал бы им денег на побег. Зачем было тащить их с собой через реку Хуай, выставляя напоказ?

Сяо Жун был готов схватиться за голову. Какая уж тут «слава»! Кто знает, что те женщины

страдали? И народ, и сам Хуан Яньцзюн решили лишь одно: Цюй Юньме наставил ему рога и сбежал на Север с пятью его наложницами, чтобы вместе предаваться утехам.

Лицо Сяо Жун то краснело, то бледнело. Теперь понятно, почему Хуан Яньцзюн, поймав Цюй Юньме, сразу приказал пытать его. Обида за поруганную честь — рана, что не заживает вечно. Под напряженным взглядом вана Сяо Жун наконец тяжело выдохнул:

— Ладно. — Он пробормотал, словно убеждая самого себя: — Ныне вы — Великий ван Севера, а он — лишь инспектор Цзиньнина. Разница в силе заставит Хуан Яньцзюна проглотить любую обиду. Раз он сумел дождаться своего часа, значит, воля его крепка. Пишите письмо, Великий ван. Я верю, что он придет.

Слышать похвалу в адрес недруга Цюй Юньме было неприятно. Для Хуана он был врагом, но и для Цюя — тоже. Он не убил его лишь из благодарности к Хуан Яньциню, иначе голова инспектора давно бы слетела с плеч еще в Луцзяне. Его мучило иное.

— Ты тоже считаешь, что я поступил дурно? — спросил он.

Гао Сюньчжи когда-то твердил ему, что это была ошибка. Мол, чужие семейные дрызги — не его забота, а увод женщин лишь выставил его в дурном свете. Сяо Жун помедлил, а затем спросил:

— И куда же Великий ван отвез тех женщин?

— Как только мы перешли реку Хуай и скрылись из глаз погони, я велел им самим искать свою дорогу.

В его голове тогда была лишь месть, и таскать женщин за собой было бы верной смертью для них.

«Так ты сделал это только для того, чтобы позлить его, верно?» — Сяо Жун невольно улыбнулся.

Юноша заставил себя сохранить серьезный тон:

— Великий ван поступил благородно, спасая тех, кто попал в беду. Но не стоило превращать милосердие в способ мести. Можно было отпустить их еще до переправы. А так — вы нажили себе врага на пустом месте. Стоило ли оно того?

Цюй Юньме нахмурился:

— Какой из него враг? Он мне даже на один бой не противник.

Сяо Жун лишь вздохнул:

— Даже тысячеверстная плотина может рухнуть из-за одной муравьиной норы. Малая оплошность порой ведет к большой беде.

Цюй Юньме не был согласен, но, видя усталость на лице собеседника, спорить не стал. Он молча сидел, обдумывая эти слова.

Сяо Жун и впрямь выбился из сил. Ему хотелось спать, но незваный гость уходить не спешил. Юноша уже думал, как бы потактичнее выпроводить вана, когда снаружи донесся топот копыт. Кто-то скакал во весь опор. Цюй Юньме среагировал мгновенно. Он откинул полог, и в ту же секунду к повозке подлетел гонец.

— Великий ван! Впереди войско в несколько тысяч сабель! Командир зовет себя Юй Шаочэном и просит принять его под вашу руку!

Цюй Юньме замер. Он вспомнил слова Юй Шаосе о том, что его младший брат тоже придет. Неужели это он? К ученым мужам ван относился с прохладцей, но воины всегда вызывали его интерес. Тем более этот пришел не с пустыми руками, а привел с собой целое войско. Цюй Юньме уже собрался спрыгнуть на землю, чтобы самому взглянуть на новоприбывшего, как Сяо Жун вдруг схватил его за руку.

Юноша с тревогой сжал его локоть:

— Великий ван, возьмите оружие!

— Зачем? — Цюй Юньме удивился. — Я не собираюсь биться с ним.

Но Сяо Жун был непреклонен:

— Обязательно возьмите!

— Ладно, — Цюй Юньме сдался, — будет по-твоему.

<http://bllate.org/book/15355/1421372>